

ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ УЗБЕКСКОЙ ССР И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ТАДЖИКСКОЙ АССР

Абдукаюм Абдукадиров,
доцент АФ НИТУ МИСИС, к.и.н.

Конституция Узбекской ССР 1927 года является одним из ключевых документов раннесоветского государственного строительства в Средней Азии. Несмотря на то, что её юридическая сила была ограничена последующим становлением союзной системы 1930-х годов, именно она впервые закрепила основы административно-территориальной структуры региона, особые механизмы автономизации, а также правовой статус Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики. Значение этой Конституции выходит далеко за рамки институционального оформления: документ отражал противоречивые процессы национального размежевания, экономической модернизации и политической централизации, которые одновременно разворачивались в регионе в 1920-е годы.

Современные исследователи подчеркивают, что текст Конституции Узбекской ССР 1927 года представляет собой не только нормативный акт, но и политический проект, в котором переплетались интересы союзного центра, республиканской элиты и национальных кадров. Национальная политика в республике была результатом сочетания директив центра и локальных интересов — т.е. решения о конституционном устройстве и автономиях имели одновременно политическую и управленческую природу.¹ Для Таджикской АССР этот документ стал важным инструментом государственно-правового развития, определив юридические границы автономии, компетенцию её органов власти, экономический статус и принципы участия в общереспубликанской системе управления.

¹ Bahodir Pasilov. National Policy and Identity under the Soviet Authorities in Uzbekistan in the 1920s and 1930s// The Copenhagen Journal of Asian Studies 28(2)•2010.P.12-33

Особое значение Конституции 1927 года подчёркивают и современные зарубежные исследователи. За короткое время, к концу 1920-х годов, люди, которые ещё до Первой мировой войны едва осознавали себя в национальных категориях, вдруг получили национальный язык, национальную культуру, национальную историю и национальные политические структуры — иными словами, стали членами нации². Конституция Узбекской ССР стала одним из инструментов этой трансформации, поскольку она «закрепляла административные эксперименты» и одновременно «создавала символические рамки для новых национальных субъектов». Б. Касымбекова показывает, что в начале 1920-х годов в Средней Азии происходил целенаправленный процесс «переизобретения» государственности: советская власть не просто восстанавливала прежние институты, а конструировала новые административные образования и управленческие практики. Конституционные и административные новации этого периода выполняли двойную функцию — с одной стороны, они формально закрепляли (институализировали) экспериментальные административные решения центральной власти, а с другой — создавали символические рамки (национальные языки, официальные истории, ритуалы легитимации), которые помогали новым «национальным субъектам» закрепить своё существование в политическом ландшафте. Иными словами, легитимация новых административно-территориальных образований строилась одновременно через бюрократические «эксперименты» и через символическую конструкцию национальной идентичности³.

В работах советских авторов Конституция рассматривалась прежде всего как этап совершенствования системы Советов. Значение документа трактовалось в идеологическом ключе: подчеркивалась ведущая роль рабочего класса, деятельность партии и прогрессивная сущность национальной политики. Таджикская автономия в этих трудах описывалась главным образом

² Smith, "Nation-building the Soviet way", in *Red Nations*, Cambridge UP, 2013, глава pp. 73–96.

³ Kassymbekova, *Despite Cultures*, Univ. of Pittsburgh Press, 2016. approx. pp. 30–45

как результат «братской помощи» узбекского и других народов СССР, а не как самостоятельный процесс становления государственности.

Однако даже внутри советской школы отдельные исследователи признавали сложность и неоднородность процессов территориального размежевания. Они подчеркивали, что современные национальные категории в регионе формируются под влиянием политических факторов и административных решений, а не только этнокультурных традиций. Эти идеи позже стали важными для анализа правового статуса Таджикской АССР как искусственно, но целенаправленно созданной политической единицы⁴.

После распада СССР исследовательский фокус сместился на изучение механизмов национальной политики, политической инженерии и правовых основ автономизации. В работах И.Усмона отмечается, что создание таджикской автономии и её конституционное закрепление являются ключевыми этапами в формировании таджикской государственности XX века, поскольку именно через статус автономии таджики впервые получили юридически оформленное административное пространство⁵.

Среди современных зарубежных исследований особое влияние имеет монография Botakoz Kassymbekova *Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan*⁶. Автор показывает, что раннесоветское управление в Таджикистане представляло собой не стабильную бюрократическую систему, а «импровизационный, открытый и дисциплинирующий режим», сочетавший административные практики, персональные отношения и насилие. Советская власть в 1920–1930-е годы не только создавала новые институты, но и формировала социальные категории, политические идентичности и нормы лояльности, через которые регулировались взаимоотношения между центром,

⁴ Турсунов Х. Т., О национально-государственном размежевании Средней Азии, Таш., 1957; Ланда Л. М., Советская историография национально-государственного размежевания Средней Азии, «История СССР», 1964, № 6; Лунин Б. В., В. И. Ленин и народы Средней Азии, Таш., 1967; Уразаев Ш. З., В. И. Ленин и строительство советской государственности в Туркестане, 1967; Раджабов С. Л., В. И. Ленин и советская национальная государственность, Душанбе, 1970

⁵ Иброхим Усмон. Точикон. Душанбе. 2001. С.52-54

⁶ Kassymbekova, *Despite Cultures*, Univ. of Pittsburgh Press, 2016

местной бюрократией и национальными элитами. Таким образом, правовые и административные меры раннесоветского периода выступали инструментами конструирования нового социального порядка в регионе.

Принятие Конституции Узбекской Советской Социалистической Республики 30 марта 1927 года стало ключевым этапом институционального оформления политической системы и национально-государственных структур в Средней Азии после проведения национально-территориального размежевания 1924 года. Хотя предшествующие конституционные акты — Конституция Туркестанской АССР 1918 года, а также конституции Бухарской и Хорезмской народных республик — играли важную роль в раннем советском государственном строительстве, именно Конституция 1927 года впервые создала системный правовой фундамент для функционирования Узбекской ССР как союзной республики и одновременно закрепила юридический статус Таджикской АССР в её составе.

В историко-правовой литературе подчёркивается, что 1920-е годы стали периодом интенсивной институционализации национальных территориальных единиц. Как отмечают исследователи советской национальной политики, включая Адиба Халида и Р. Масова⁷, этот процесс сопровождался разработкой новых административных границ, формированием республиканских органов власти, созданием письменных и нормативных основ государственного управления. В этой связи Конституция Узбекской ССР 1927 года рассматривается не только как юридический документ, но и как отражение крупных политических, этнокультурных и социальных трансформаций, определивших будущее развитие региона.

⁷ Khalid, A. (2023, May 24). Constructing Nations in Soviet Central Asia. Oxford Research Encyclopedia of Asian History. Retrieved 5 Dec. 2025, from <https://oxfordre.com/asianhistory/view/10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-708>. Национально-государственное строительство в Таджикистане (1917–1929 гг.). Душанбе: Ирфон, 1991.

После национально-территориального размежевания 1924 года на территории бывшей Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской народных республик были образованы новые союзные и автономные республики, среди которых оказалась и Узбекская ССР. В её состав была включена Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика, что потребовало разработки юридических механизмов регулирования взаимоотношений между республикой и её автономией.

Первые годы существования Узбекской ССР сопровождались созданием новых органов власти, перераспределением административных функций и поиском модели государственного управления, соответствующей общесоюзной советской системе. В исследовательской литературе отмечается, что до 1927 года республика фактически функционировала на основе временных положений, инструкций и норм союзного уровня, что создавало необходимость принятия полноценной Конституции⁸.

Конституция Узбекской ССР 1927 года была принята II Всесреднеузбекским съездом Советов и официально опубликована в июле того же года. Она стала важным нормативно-правовым документом раннего этапа советского государственного строительства в Средней Азии и во многом определила последующее развитие политико-административной структуры региона. В отличие от более ранних конституционных актов Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской народных республик, Конституция 1927 года представляла собой систематизированный документ, отражавший специфику национально-территориального размежевания 1924–1926 годов и результаты институционального формирования новых союзных и автономных республик.

⁸ Алкин И. Национально-государственное размежевание Средней Азии и VII съезд Советов СССР / Революционный Восток. 1934, №6; И. Бочкарева, Национально-территориальное размежевание в Средней Азии... в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. №2 (106); Халид А. Ислам после коммунизма. Религия и политика в Центральной Азии. М., 2010; РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 80.

Структура Конституции включала преамбулу и несколько крупных разделов, посвящённых государственному устройству, административно-территориальной организации, компетенции центральных и местных органов власти, судебной системе, бюджетной политике и основам правового положения граждан. В первой части документа закреплялось, что Узбекская ССР является «социалистическим государством рабочих и крестьян», а вся полнота власти принадлежит «Советам депутатов рабочих, крестьян и Красной Армии». Эти формулировки воспроизводили принципы конституций РСФСР (1918) и СССР (1924), отражая общую идеологическую и правовую матрицу раннего Советского государства (см.: Конституция РСФСР, 1918; Конституция СССР, 1924).

В первом разделе Конституции Узбекской ССР была закреплена политическая природа республики: она провозглашалась «социалистическим государством рабочих и крестьян». Эта формулировка была распространённой для советских конституций 1920-х годов, однако её значение в условиях Средней Азии оставалось неоднозначным. По мнению Кассымбековой, в регионе социальные и классовые категории были искусственно сконструированными и не имели прямых аналогов в дореволюционной социальной иерархии. Таким образом, закрепление в Конституции классовой сущности государства отражало не только идеологические установки, но и стремление советской власти формировать новые социальные ориентиры и создавать слои населения, лояльные к власти⁹. Важным элементом общего раздела была формулировка о принадлежности всей власти Советам депутатов рабочих, крестьян и Красной Армии. Это соответствовало основным положениям Конституции РСФСР 1918 года, но в реальной политической практике конца 1920-х годов означало постепенное укрепление партийного контроля и снижение самостоятельности Советов. Российские исследователи подчёркивают, что Конституция Узбекской ССР 1927 года формально

⁹ B. Kassymbekova, *Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan*. University of Pittsburgh Press, 2016

воспроизводила демократическую схему управления, однако фактическая роль Советов как органов народной власти была всё больше символической¹⁰.

Одним из ключевых разделов Конституции были статьи, посвящённые составу республики. Именно здесь впервые в юридической форме был закреплён статус Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики как составной части Узбекской ССР.

В документе перечислялись территориальные единицы республики, включая области, округа и автономию, что стало важным этапом в формировании таджикской государственности. В частности, в главе 8, посвященной таджикской автономии приводилось, что «органы государственной власти в Автономной Таджикской советской социалистической республике на основе конституции Узбекской советской социалистической республики из местных советов, их Съездов и исполнительных Комитетов и Съезда Советов и Центрального исполнительного комитета Советов Автономной Таджикской советской социалистической республики». ¹¹ Исследователи подчёркивают, что территориальная автономия таджиков была результатом сложных политических компромиссов между местными элитами, Ташкентом и Москвой. ¹² Особое значение имели статьи данной главы, определяющие полномочия автономии. Таджикская АССР получала право участвовать в работе высших органов власти Узбекской ССР через своих представителей, при этом органы автономии сохраняли самостоятельность в вопросах местного управления, народного образования, хозяйственного строительства и культурной политики.

---

¹⁰ Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева и Л. Н. Мазур; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 358

¹¹ ЦГА Уз.ССР, ф.86, оп.1, ед.хр.2781, л.32

¹² Zubaidullo Ubaidulloev. The Russian-Soviet legacies in reshaping the national territories in Central Asia: A catastrophic case of Tajikistan. *Journal of Eurasian Studies*, Volume 6, Issue 1, January 2015, Pages 79-87

Историки подчеркивают двойственный характер этих положений: с одной стороны, они давали автономии реальный инструмент управления, с другой — создавали механизм включения таджикской элиты в систему советского государственного аппарата через зависимость от республиканского центра.¹³ Однако важным нововведением Конституции 1927 года стало включение отдельных статей, подробно регламентировавших статус Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики. Таджикская АССР рассматривалась как автономная территориально-политическая единица, обладавшая собственной системой Советов, органами исполнительной власти, утверждёнными административными границами, а также правом участия в работе высших органов власти Узбекской ССР через своих представителей. Этот механизм обеспечивал институциональную включённость таджикского населения в республиканскую политическую систему и юридически закреплял их автономный статус.

Разделы Конституции, посвящённые составу республики, включали перечень её административных единиц: областей, округов, районов и автономных образований, среди которых прямо указывалась Таджикская АССР. Эти статьи имели принципиальное значение, поскольку впервые на конституционном уровне фиксировали автономию таджиков как отдельной этнополитической общности в составе Узбекской ССР. Создание Таджикской АССР стало ключевым этапом развития таджикской государственности и важным элементом институционализации их исторической территории в рамках советской федеративной модели.

В научной литературе подчёркивается, что создание автономии для таджиков в 1924–1927 годах было результатом сложного процесса сочетания этнографических, историко-культурных и политических аргументов, использованных при национально-территориальном размежевании. Конституционное закрепление этой автономии усиливало роль таджикских

¹³ Atai F. Soviet Cultural Legacy in Tajikistan. Iranian Studies. 2012;45(1):81-95.

институтов власти, формировало предпосылки для последующего преобразования автономии в союзную республику (Таджикскую ССР) в 1929 году, а также способствовало развитию таджикского национального языка, системы образования и культурной инфраструктуры.¹⁴ Таким образом, Конституция Узбекской ССР 1927 года стала важным документом не только с точки зрения административно-государственного развития Узбекистана, но и как фактор становления таджикской государственности в составе СССР.

Конституция Узбекской ССР 1927 года, включая положения о Таджикской АССР, стала ключевым этапом раннесоветского государственного строительства в Средней Азии. Она не только закрепила территориальные границы автономии, но и создала юридическую основу для формирования национальных органов власти, экономического развития и культурного строительства. Исследователи подчёркивают, что документ выполнял комплексную функцию: от легализации власти до формирования национального самосознания и подготовки кадров для будущей союзной республики.¹⁵

Конституция Узбекской ССР 1927 года определяла структуру республиканских органов власти, устанавливая иерархию центральных и местных органов управления, которая во многом повторяла общесоюзную модель, закреплённую в Конституции РСФСР 1918 года и Конституции СССР 1924 года. Ключевыми органами республиканской власти были:

Всесреднеузбекский съезд Советов, являвшийся высшим законодательным органом республики, созывавшийся периодически и принимающий основные решения по внутренней и внешней политике, бюджету и социально-экономическим вопросам;

¹⁴ Martin, Terry. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Cornell university press, 2001. jstor, <http://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt1rv61tj>. accessed 5 dec. 2025.

¹⁵ Zubaidullo Ubaidulloev. The Russian-Soviet legacies in reshaping the national territories in Central Asia: A catastrophic case of Tajikistan. *Journal of Eurasian Studies*. Volume 6, Issue 1, January 2015, Pages 79-87

Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) Узбекской ССР, функционировавший как высший орган власти между съездами, обладавший полномочиями законодательной инициативы и контроля за исполнением решений съезда;

Президиум ЦИК, осуществлявший руководство деятельностью ЦИК в период между его сессиями и исполнявший функции коллективного главы республики;

Совет Народных Комиссаров (СНК), исполнявший функции правительства республики, включая руководство хозяйственной, финансовой и социальной политикой.

Эта структура органов власти отражала общесоюзные принципы построения советского государства, но при этом учитывала особенности региона. Средняя Азия была многонациональной территорией с этническим разнообразием, включая узбеков, таджиков, казахов, туркмен и другие народы. Конституция 1927 года закрепляла необходимость регулирования межэтнических отношений через участие различных народов в органах власти и механизмы представительства, что соответствовало принципам политики коренизации¹⁶.

Особый интерес представляет распределение полномочий между органами Узбекской ССР и Таджикской АССР. Конституция предусматривала, что автономия имела право принимать решения по вопросам местного управления, хозяйственной деятельности и культурного развития. Таджикская АССР обладала собственными Советами депутатов, Центральным Исполнительным Комитетом и СНК, что позволяло автономии решать внутренние вопросы без прямого вмешательства республиканских органов. Одновременно автономия сохраняла представительство в органах Узбекской

¹⁶ Широкожухов А. А. Политика коренизации как фактор формирования национальных политических элит в союзных республиках СССР: ОПЫТ СРЕДНЕЙ АЗИИ // Постсоветский материк. 2025. 4(48)/2025; <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-korenizatsii-kak-faktor-formirovaniya-natsionalnyh-politicheskikh-elit-v-soyuznyh-respublikah-sssr-opyt-sredney-azii> (дата обращения: 05.12.2025).

ССР, что обеспечивало её участие в формировании республиканской политики и гармонизацию интересов таджиков с общими интересами республики¹⁷.

Такое конституционное закрепление автономного статуса Таджикской АССР сыграло важную роль в становлении таджикской государственности. Оно создавало правовую базу для развития местных органов власти, кадрового потенциала и системы управления, что впоследствии позволило преобразовать автономию в полноценную союзную республику — Таджикскую ССР — в 1929 году.

Научные исследования подчёркивают, что закрепление автономного статуса в Конституции 1927 года было значительным политико-правовым шагом. С одной стороны, оно позволяло интегрировать таджиков в советскую систему управления, с другой — сохраняло элементы самостоятельности, что обеспечивало национальное представительство и учет культурных особенностей населения.¹⁸ Формирование автономии также способствовало развитию таджикского языка, национального образования и культурных институтов, создавая предпосылки для укрепления национальной идентичности и политической субъектности в рамках советской федеративной модели.

Таким образом, Конституция 1927 года являлась не просто нормативным документом, регулирующим административные и политические процессы, но и историческим актом, который впервые юридически закрепил основы государственности Таджикской АССР. Она создала институциональные механизмы для участия автономии в управлении республикой и одновременно обеспечила возможность её самостоятельного развития, что имело стратегическое значение для формирования Таджикской ССР и дальнейшего развития национальных республик в Средней Азии.

¹⁷ ЦГА Уз.ССР, ф.86,оп.1,ед.хр.2781, л. 33-35

¹⁸ Dagiev, Dagi. "2 National Territorial Delimitation in Soviet Central Asia." Regime Transition in Central Asia Stateness, Nationalism and Political Change in Tajikistan and Uzbekistan, 2014.

Также исследователи отмечают, что именно через конституционное закрепление автономии советская власть стремилась интегрировать таджикское население в политическую систему, одновременно формируя новые модели этничности и политической лояльности.¹⁹

Важнейшим достижением Конституции 1927 года стало то, что в ней впервые была юридически описана территория Таджикской АССР. До этого статуса автономии существовали главным образом в проектных документах и постановлениях о национально-государственном размежевании.

Как показывает Б. Касымбекова, раннесоветская власть стремилась создавать новые формы и пространства политической власти, в которых местное население должно было воспринимать себя частью советского государственного проекта. Это было частью более широкой трансформации административного и социального порядка в регионе Конституционная фиксация территории автономии обеспечивала политическую легитимность этой новой формы государственного деления²⁰.

Территориальная структура автономии включала несколько округов и районов, при этом именно Конституция закрепляла принадлежность этих единиц к Таджикской АССР. Это имело серьёзные последствия: закреплённая территория становилась основой для формирования административного аппарата, органов образования, финансовой системы и хозяйственного планирования.

Конституция Узбекской ССР 1927 года, помимо вопросов государственной власти и статуса Таджикской АССР, включала положения, характеризующие экономическую организацию республики в период Новой экономической политики (НЭП). Документ закреплял основы социалистической экономики, включая государственную собственность на

¹⁹ Zubaidullo Ubaidulloev. The Russian-Soviet legacies in reshaping the national territories in Central Asia: A catastrophic case of Tajikistan. *Journal of Eurasian Studies*. Volume 6, Issue 1, January 2015, Pages 79-87

²⁰ B. Kassymbekova. *Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan*. University of Pittsburgh Press, 2016. pp. 55–57

землю, недра и крупные средства производства, а также нормы, запрещавшие эксплуатацию трудящихся и крупную частную собственность. Эти положения создавали правовую базу для формирования экономической системы, в которой трудящиеся — рабочие и крестьяне — становились основными носителями экономических прав и обязанностей.

Особое значение имели статьи Конституции, регулирующие трудовые отношения, деятельность профсоюзов и участие трудящихся в управлении производством. В соответствии с ними, работники предприятий и колхозов имели право на участие в советах управления, контроле за выполнением производственных планов и распределении доходов. Эти нормы создавали правовую платформу для самоуправления трудящихся, что отражало основную тенденцию советской экономики 1920-х годов и формировало экономическую субъектность республики.

В контексте Таджикской АССР экономические положения Конституции имели особое значение, так как автономия включала преимущественно сельскохозяйственные территории с развитым хлопководством и ремесленным производством. Конституция закрепляла за автономией право регулировать хозяйственную деятельность на своей территории, включая распределение земельных ресурсов, планирование сельскохозяйственных и ремесленных производств, развитие местной промышленности и формирование системы налогов. Это позволяло Таджикской АССР сохранять определённую экономическую самостоятельность, обеспечивая при этом интеграцию в общереспубликанскую и союзную экономическую систему.²¹

Значительным аспектом было и законодательное закрепление социальных прав граждан. Конституция предусматривала право участвовать в выборах, право на труд, отдых и образование. При этом, как и в других ранних советских конституциях, избирательные права были ограничены:

²¹ Аскарлов А. История происхождения узбекского народа. Ташкент, 2018; Масов Р. Таджики: история с грифом "совершенно секретно". — Душанбе : Центр изд. культур. наследия, 1995.

«эксплуататорские элементы» — лица, живущие на нетрудовые доходы, частные владельцы крупных хозяйств и предприниматели — лишались права голоса. Такая практика отражала идеологическую основу советской экономики, в которой исключались классовые элементы, препятствовавшие построению социалистического общества.²²

Конституция 1927 года также предусматривала механизмы управления экономикой на уровне Таджикской АССР. Автономия имела право создавать органы, контролирующие земельные ресурсы, организации коллективного хозяйства, ремесленные предприятия и местные кооперативы. В этом контексте Таджикская АССР получила возможность развивать собственные экономические структуры, одновременно интегрируясь в общереспубликанскую и союзную плановую экономику. Такой подход способствовал укреплению экономической базы автономии и подготовил почву для её последующего преобразования в союзную республику в 1929 году.

Особенно важно подчеркнуть, что положения о собственности и трудовых правах были не только нормативными, но и имели практическое значение для экономической стабилизации региона. В условиях НЭПа, когда сохранялась ограниченная частная торговля и мелкое ремесленное производство, Конституция обеспечивала сочетание элементов рыночной деятельности с социалистическим контролем за ключевыми ресурсами. Это способствовало постепенной индустриализации, развитию хлопковой промышленности и улучшению положения трудящихся в Таджикской АССР.

Конституция предоставляла Таджикской АССР право участвовать в работе республиканских органов власти. Это означало:

- участие делегаций автономии во Всесреднеузбекском съезде Советов,
- представительство в ЦИК Узбекской ССР,

²² Pugovkina O.G. The soviet practice of deprivation of electoral rights in the Turkestan ASSR -Uzbek SSR in constitutions of 1918-1937-IES. (2021). ResearchJet Journal of Analysis and Inventions, 2(12), 84-93.

- участие в формировании Президиума ЦИК,
- участие в работе отдельных наркоматов.

Такой механизм должен был обеспечить связь между автономией и республиканским центром. Историки подчеркивают, что представительство было важнейшим инструментом подготовки будущей таджикской административной элиты, многие из представителей которой позже стали членами правительства Таджикской ССР. Однако реальная автономия была ограничена. Кассымбекова отмечает, что советская власть в регионе выстраивала «вертикаль эмоционально-идеологической дисциплины», что означало контроль партийного аппарата над каждым уровнем власти автономии²³.

Таким образом, Конституция Узбекской ССР 1927 года, закрепив экономические положения, не только устанавливала правовые рамки государственной собственности, регулирования труда и социальной политики, но и создавала механизмы экономической автономии Таджикской АССР. Эти нормы стали фундаментом для последующего развития национальной экономики автономии и интеграции её в систему союзной республики, формируя прочную базу для социально-экономического и политического становления таджикской государственности в советский период.

Историки конституционного права подчёркивают, что Конституция 1927 года стала первой полноценной правовой основой функционирования Узбекской ССР как союзной республики. Она систематизировала нормы, регулирующие устройство власти, административное деление, социально-экономические отношения, а также взаимодействие между республикой и её автономиями.

Особенно важным представлялось закрепление статуса Таджикской АССР. Это было не просто формальное признание автономии: документ определял рамки её территориального устройства, органы власти, порядок

²³ В. Kassymbekova. *Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan*. University of Pittsburgh Press, 2016. pp. 63–64

участия в государственных делах Узбекистана и компетенцию местных органов управления. Именно этот юридический фундамент позволил таджикской автономии накопить административный, кадровый и политический опыт, необходимый для последующего превращения в союзную республику.

Принятие Конституции Узбекской ССР 1927 года стало важнейшим этапом в развитии советского государственного строительства в Средней Азии. Документ впервые закрепил основы республиканской власти, административно-территориальное устройство и статус национальных автономий, прежде всего Таджикской АССР. С точки зрения современной науки, Конституция отражает переходный этап от ранней революционной эпохи к формированию устойчивой советской системы, где сочетались элементы централизации и коренизации, создавались механизмы управления и регулировались отношения между республикой и автономиями²⁴

Особое значение имели положения документа о социально-экономическом статусе Таджикской АССР. Конституция закрепляла государственную собственность на землю, недра и крупные средства производства, одновременно регулируя мелкое частное ремесленное производство и торговлю, что соответствовало практике НЭПа. Для автономии это означало возможность планирования хозяйственной деятельности на собственной территории, управления сельским и ремесленным производством, развития кооперативов и контроля за распределением ресурсов. Конституция также устанавливала права трудящихся и участие населения в управлении производством. Рабочие и крестьяне могли участвовать в управлении кооперативами, колхозами и предприятиями, контролировать выполнение планов и распределение доходов. Это способствовало подготовке национальных кадров для органов власти и управлению экономикой

²⁴ Francine Hirsch, *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union* (Cornell Univ. Press, 2005); Khalid, A. (2015). *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. Cornell University Press.

автономии, а также формировало основу для будущего превращения автономии в союзную республику.

Документ закреплял социальные гарантии для населения, включая право на труд, отдых, образование и участие в управлении государственными и местными делами. При этом избирательные права были ограничены: «эксплуататорские элементы», лица, живущие на нетрудовые доходы, лишались права голоса. Эти меры отражали классовую направленность политики и необходимость контроля над экономикой.²⁵

Документ также имел практическое значение для экономики региона: сочетание элементов НЭПа с социалистическим контролем способствовало развитию сельского хозяйства, хлопководства, ремесленной промышленности и инфраструктуры. Это позволило автономии укрепить экономические и социальные институты, создавая прочную базу для последующей индустриализации и интеграции в республиканскую и союзную экономическую систему.

Формирование Таджикской АССР в 1924 году и её последующее институциональное оформление в составе Узбекской ССР стали важным этапом раннесоветского государственного строительства в регионе. Архивные данные о кадровом составе первых лет автономии действительно ограничены, однако исследования показывают, что уже в 1924–1927 годах началась постепенная организационная работа по созданию республиканских органов управления, вовлечению местных кадров и формированию национальных административных структур. Это соответствовало общей политике коренизации, направленной на обучение и продвижение представителей титульных национальностей в советскую бюрократию. В частности, отмечается, что создание Таджикской АССР было частью более широкого проекта «советского нацистроительства», целью которого было формирование устойчивых политических субъектов и строительство новых институтов

²⁵ Бобочон Ғафуров. Николай Прохоров. Тоҷикон ва талашҳои таърихӣ онҳо барои озодии ватан. Душанбе. «Адиб», 2012. С.211-217

власти, ориентированных на местное население. «...советская власть сочетала задачи национального строительства с формированием управляемой бюрократии нового типа. В условиях слабой административной традиции и многоэтнического состава на селения она выполняла одновременно интеграционную и мобилизационную функции. Опора на местные кадры позволила легитимировать советскую власть в регионе, сделать ее понятной и «своей» для титульных народов. Одновременно через систему партийных школ, рабфаков и языковых курсов формировался кадровый резерв, нацеленный на обслуживание интересов центра и воспроизводство советской модели власти в национальной оболочке»²⁶.

Преобразование автономии в союзную республику — Таджикскую ССР в 1929 году — стало подтверждением того, что национально-кадровая и административная политика 1920-х годов имела долговременный эффект. Создание союзной республики юридически закрепляло право на самостоятельные высшие органы власти, собственную конституцию и прямые отношения с союзным центром. Как подчеркивает Р.Масов, превращение автономий в союзные республики являлось результатом не только этнографических классификаций, но и последовательного институционального строительства, в ходе которого Москва стремилась сформировать полноценные национальные государства советского типа.²⁷

Политический контекст конца 1920-х годов также предполагает, что даже при усилении централизации национальные республики сохраняли значительную часть прав, установленных ранними конституционными актами. В частности, Конституция Узбекской ССР 1927 года, в составе которой регулировалось положение Таджикской АССР, определяла организацию органов власти, компетенции автономии и основные параметры ее административного устройства. Эти нормы стали фундаментом, на котором

²⁶ Широкожухов А. А. Политика коренизации как фактор формирования национальных политических элит в союзных республиках СССР: ОПЫТ СРЕДНЕЙ АЗИИ // Постсоветский материк. 2025. 4(48)/2025;

²⁷ Масов Р.М. (глав.ред.) Этногенез и этническая история таджикского народа. В 2-х томах. Том 1 Душанбе: Дониш, 2021.

позднее строились правовые и административные институты Таджикской ССР. Обзор институциональной эволюции республики, основанный на анализе архивных материалов и политической динамики 1920–1930-х годов, показывает, что юридические рамки 1927 года формировали основу для дальнейшего развития национальных органов управления, кадровой подготовки и культурной политики.²⁸

1. Конституция Узбекской ССР 1927 года впервые закрепила **статус Таджикской АССР** на юридическом уровне.
2. Документ создал комплекс прав и обязанностей автономии в политической, экономической и культурной сферах.
3. Конституция обеспечила **правовую основу для формирования национальной элиты** и будущей союзной республики.
4. Экономические, культурные и образовательные нормы документа способствовали **модернизации региона** и формированию национального самосознания.
5. Историческое значение Конституции заключается в том, что она сочетала **политику коренизации с централизованным контролем**, формируя долгосрочные механизмы управления этническими автономиями.

Таким образом, Конституция 1927 года была не только нормативным актом, но и **стратегическим инструментом советской власти** в Средней Азии, обеспечив долговременную интеграцию Таджикской АССР в систему Узбекской ССР и подготовив почву для её последующего превращения в союзную республику.

²⁸ Bahodir Pasilov. National Policy and Identity under the Soviet Authorities in Uzbekistan in the 1920s and 1930s// The Copenhagen Journal of Asian Studies 28(2)•2010.P.31-34